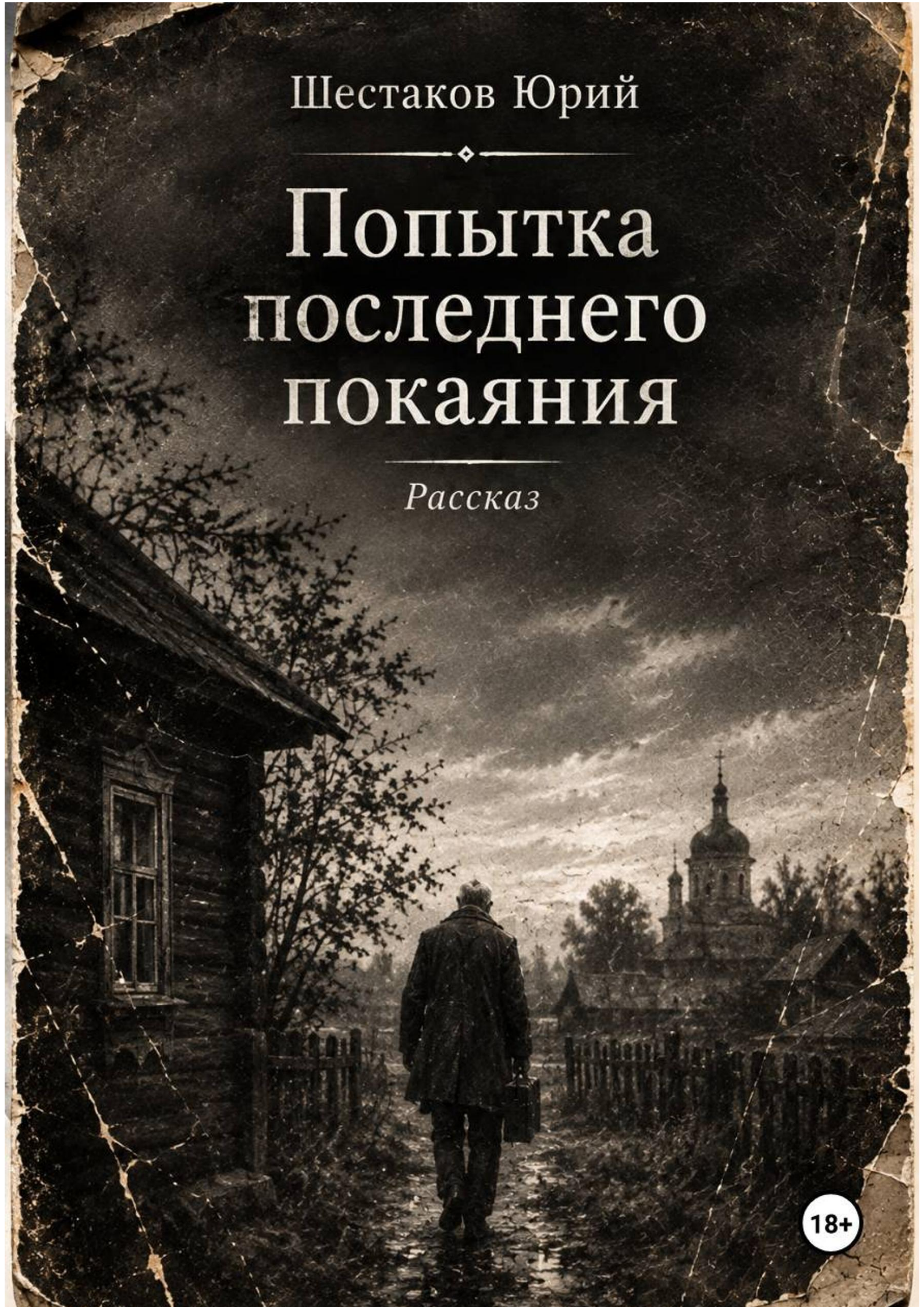

Шестаков Юрий

♦

Попытка последнего покаяния

Рассказ

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a man in a dark coat and hat, seen from behind, walking away from the viewer down a muddy path. To the left is a rustic wooden house with a single window. In the distance, a church with a prominent onion dome and a cross is visible under a heavy, cloudy sky. The entire image has a grainy, aged texture with visible cracks and wear along the edges.

18+

Юрий Шестаков

Попытка последнего покаяния

«Автор»

2026

Шестаков Ю.

Попытка последнего покаяния / Ю. Шестаков — «Автор», 2026

В шестьдесят два года бывший оперный тенор Михаил Местников возвращается в родное село под Великим Новгородом, которое покинул больше сорока лет назад. Здесь всё изменилось — и почти ничего не изменилось. Старый родительский дом, знакомая дорога, церковь с золотым куполом, случайная встреча с женщиной, помнящей его мальчиком. Но возвращение оказывается не просто встречей с прошлым. Вечером Местников приходит в пустой храм и просит разрешения подняться на давно заброшенный клирос. Он хочет спеть не оперную арию, принёсшую ему известность, а литургию — один, без прихожан, перед теми, кого уже нельзя вернуть. Это история о памяти, вине, утрате и попытке сказать последнее «Аминь» там, где когда-то всё начиналось.

© Шестаков Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	6

Юрий Шестаков

Попытка последнего покаяния

Рассказ

На шестьдесят втором году жизни, оперный тенор, звезда своего времени, ныне неизвестный, вернулся в село под Великим Новгородом, из которого когда-то давно, в желании выбраться из глухой глуши, уехал в Петербург поступать в консерваторию. Седины и проплешины давно заменили собой пышную русую шевелюру, которой так гордился тенор. На нём был уставший от постоянного ношения твидовый пиджак, который передал ему один известный меценат, человек состоятельный и очень любивший оперу. На ногах красовались лакированные ботинки известного итальянского мастера, купленные на пике известности в одной из многочисленных поездок по миру, но износившиеся от отсутствия надлежащего ухода и времени, за которое мастер, делавший ботинки, успел состариться и умереть в нищете. И издали можно было подумать, что человек идёт состоятельный, пока этот человек, известный когда-то тенор, не приближался к смотрящему на него.

До старого села, покинутого много лет, назад пришлось добираться на том, что было – на обычном старом автобусе марки ПАЗ, в котором было набито столько людей в то субботнее июньское утро, что казалось, будто самый большой оперный театр мира не вмещает в себе столько. Когда тенор зашёл, маленький мальчик лет двенадцати, увидев его, поднялся с своего места и сказал: «Садитесь, дедушка.» Он поблагодарил мальчика за джентельменский поступок, но отказался от предложения, мотивируя себя тем, что он ещё не такой старый, чтобы зваться дедушкой. И целых два часа трясся он в наполненном, а скорее переполненном автобусе, мерно качаясь и подскакивая, когда колеса ПАЗа находило очередную выбоину в асфальте, который не меняли с семидесятых годов прошлого века.

Автобус по требованию остановился, двери со скрипом и каким-то даже визгом распахнулись, и под давлением повалившей в дверной проход людей и крики: «Чего встал?!», тенор вышел. Наблюдая за тем, как люди спешат с перекрёстка по просёлочной дороге куда-то далеко в поле, тенор вспомнил эту дорогу и этот перекрёсток, с которого когда-то он уезжал автостопом, молодым и никому неизвестным.

Садился на автобус он в семь часов утра, а доехав, заметил, что его часы встали стрелками на отметке в семь часов пять минут. Какое сейчас время узнать было невозможно, ибо не с кем сверить часы. За неимением возможности уехать, ибо следующий автобус будет только вечером, тенор медленно зашагал по просёлочной дороге. Вскоре он увидел ряд покосившихся домов, за которыми виднелся дым из банных печей, а за дымом купол старой церкви, которая была построена ещё при царе и бюрократической ошибкой в бумагах была спасена от сноса во времена первый послереволюционных лет. Самый первый дом, покосившийся и с слезшей синей краской, был домом тенора. Когда-то был. Сейчас уже никто даже и не знает, когда в последний раз там кто-то жил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.